

Клайберн (Клиберн) Ван 6.10.99

Клайберн как Клиберн

Культура. — 2004. — 30 сент. — 60 к. — с. 10

“Американский гонец российской оттепели” выступил в Москве

В. Клайберн

21 сентября в Большом зале консерватории случился первый аншлаг сезона. Да такой, что может не повториться долго. Слава, которую имел и имеет по сей день на одной шестой части суши Харви Лэйвэн Клайберн, уникальна. В России Вана Клиберна любят искренне и горячо. У главного и служебного входов в консерваторию собралась толпа, которую сдерживала нервничавшая охрана. (Вообще, организация этого концерта — тема отдельная. К рамкам металлодетекторов консерваторская публика уже привыкла, но зачем, кроме обычных контролеров, понадобились еще секьюрити, которые, тяжело шевеля губами, читали входные билеты при входе в БЗК и создали огромную пробку на улице, понять трудно.)

Концерт начался с опозданием на сорок пять минут. Выходивший время от времени на сцену ведущий вечера Артем Варгафтик информировал публику о продвижении автомобиля с Клайберном на борту по московским пробкам (видимо, организаторы не смогли найти для пианиста водителя, знающего Москву. Для справки: от гостиницы “Националь”, где жил Клайберн, до БЗК пешего хода минут 7–8). Потом Варгафтик сообщил, как пианист входит в здание, приветствуемый восторженными рукоплесканиями тех, кто на концерт не попал.

Зал встретил Вана Клиберна стоя. Именно Клиберна, а не Клайберна. Это в обыденной жизни у него может оказаться другое имя и какие-то неурядицы в жизни, периоды депрессии и перерывы в карьере.

Для большинства собравшихся в этот вечер он был все тем же молодым американцем, который сорок шесть лет назад свел с ума всю страну своей игрой на фортепиано. С тех пор имя первого победителя Международного конкурса имени Чайковского стало легендой. И, как подобает легенде, передается из уст в уста. Присутствовавшая в зале молодежь, несомненно, слышала о Клиберне от мам или бабушек.

Концерт начался с гимна России, исполненного Клиберном такими мощными аккордами, будто бы он уже начал играть Первый концерт Чайковского (причем сыграл пианист музыку композитора Александрова трижды — по числу куплетов). Затем прозвучали соль-минорное каприччио и ми-бемоль-минорное интермеццо Брамса и фа-минорная баллада Шопена, доказавшие, что время все-таки властно даже над мифом. Клиберн играл в чересчур медленном темпе, словно боясь ошибки. Но даже в этом исполнении угадывались те черты, за которые его так полюбили когда-то: открытость эмоций, ясность и простота высказывания. Можно было предоставить себе, как это впечатляло, будучи подкрепленным блестящей техникой.

Клиберн не стал великим пианистом, хотя получил после конкурсного триумфа хорошие контракты. Московский взлет 1958 года так и остался единственным в его карьере. Быть может, не хватило чего-то в характере, какого-то внутреннего стержня. Или просто звезды распорядились так, что в апреле 58-го он

реализовал весь заложенный в него потенциал. Как через десять лет его соотечественник Боб Бимон, ничем не выделявшийся прыгун, улетевший на Олимпиаде на 8.90 и поставивший рекорд на долгие десятилетия. Конечно, музыка — не спорт, тут меньше объективности. Но как тогда быть с теми высшими оценками в 25 баллов, которыми награждал Клиберна после конкурсных туров работавший в жюри Святослав Рихтер? Тут уж не спишешь на гипноз телевидения, которое и вправду помогло Клиберну обаять не только очевидцев конкурса, но и всю страну.

Чудо на то и чудо, чтобы быть воспроизводимым в лабораторных условиях. Красивая идея “Ван Клиберн играет Концерт Чайковского в сопровождении того же самого оркестра Московской филармонии” закончилась ничем — и потому, что реальный Клайберн тратил слишком много сил на спортивную часть этого коварного сочинения, и в силу полной заторможенности оркестра, которым дирижировал Константин Орбелян.

Но перед этим, под самый занавес первого отделения, была соната № 2 Шопена. После траурного марша третьей части таинственным, облачным призраком промелькнуло Presto финала. Пальцы пианиста обрели свободу. На несколько минут исчезли все сомнения: Ван Клиберн действительно существовал.

Дмитрий АБАУЛИН
Фото Эдуарда ЛЕВИНА